Виктор Алеветдинов

Домовой договор

Книга 2

Коллектор: Нижняя сеть

Мистический ромком

Виктор Алеветдинов

Домовой договор. Книга 2. Коллектор: Нижняя сеть

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Домовой договор. Книга 2. Коллектор: Нижняя сеть / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Помолвку оформили без них. Теперь дом требует совместных ужинов и запрещает молчать дольше шести часов.Риелтор Татьяна и инженер Илья приезжают в Петербург расследовать странности старого дома: исправный лифт не везёт жильцов на их этаж, а домофон отказывается впускать хозяев. Чтобы добраться до причины, они подписывают договор на тридцать дней и соглашаются изображать идеальную пару. Дом немедленно составляет им семейное расписание. Возражать можно — за это тоже начисляют баллы.Пока приборы оценивают их отношения, соседям предлагают выбрать дату выселения. Татьяне и Илье нужно остановить систему, которая решает, кому позволено жить дома. Но чувства у них настоящие, и за привычку заботиться без спроса можно заплатить доверием.Как спасти чужой дом, не позволив ему распоряжаться вашей любовью?

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вход по двое 5
Глава 1. Билет для невесты 5
Глава 2. Семейный приём 10
Глава 3. Этаж, которого нет 15
Глава 4. Дом согласия 19
Глава 5. Договор на тридцать дней 23
Глава 6. Одна сухая кровать 28
Часть II. Цена спокойствия 33
Глава 7. Идеальные соседи 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Виктор Алеветдинов
Домовой договор. Книга 2. Коллектор: Нижняя сеть

Часть I. Вход по двое

Глава 1. Билет для невесты

Проводница уже собирала пустые стаканы. До Петербурга оставалось меньше часа, и Татьяна открыла подтверждение бронирования, чтобы скачать пропуск. Вместо двух рабочих карточек появилась одна, с общей фотографией из снимков их профилей. Под фамилиями стояло «Помолвленные консультанты».

На фотографии Илья улыбался. Свой снимок Татьяна сделала для деловой переписки, поэтому рядом с ним выглядела как человек, пришедший расторгнуть помолвку. Пояснений в карточке не было. Только время заезда, шестнадцатого декабря с двенадцати.

Илья сидел у окна и убирал в рюкзак наушники. Татьяна отставила пустой стакан и развернула к нему телефон.

— Ты что-нибудь подтверждал после моего письма?

— Только билеты. Что там?

— Нас всё-таки помолвили. Утром, без участия сторон.

Он наклонился к экрану. Рукав его свитера коснулся её запястья, и Татьяна не сразу отодвинула телефон. Сидеть рядом с ним ей нравилось ещё до появления этой карточки. Именно поэтому хотелось исправить её сейчас, пока нелепое название не оказалось условием входа.

«Помолвленными консультантами» их назвали ещё в октябрьском приглашении. Управляющий тогда сослался на особенности гостевой формы. Татьяна согласилась осмотреть дом вдвоём, а документы для совместного проживания оставила до осмотра. Вчера пришли два отдельных номера заявок. Она сохранила письмо и сделала снимок новой карточки.

Татьяна выбрала раздельное оформление. Приложение на миг показало две карточки, потом зачеркнуло оба номера. «Совместное основание утрачено. Карточки отменены».

Поезд качнуло. Илья поймал стакан, съехавший к краю столика. Татьяна вернулась на предыдущую страницу. Даже общей карточки уже не было.

— Хорошо начали, — сказал он. — Доехали почти до вокзала и расстались.

— Пока только с пропусками. Не усугубляй последствия.

— Управляющему позвонить?

— На платформе. Хочу услышать, что он предложит.

Она отправила управляющему снимки брони и отмены, а Илью попросила пока ничего не нажимать. Его номер тоже был перечёркнут.

С самого утра приходилось разбирать отношения в чужих формулировках. Второе свидание у них уже было. Татьяна сама выбрала место, сама осталась дольше, чем собиралась, и помнила, как не хотелось отпускать его руку у метро. А теперь приходилось доказывать, что соседнее место в поезде не делает пропуск общим.

Илья снял с полки её чемодан. Татьяна убрала папку в сумку, оставив под рукой телефон.

— Кстати, рассчитывал после работы с тобой погулять, — сказал Илья. — Если останется время.

— Рассчитывать можно. Включать в обязательную программу не надо.

— Тогда вечером спрошу.

— Илья, ты ведь понимаешь, почему это бесит?

— Потому что тебе предлагают расписаться за нас обоих ещё до того, как мы вошли в дом.

— И обещают, что это просто название в программе.

— Пусть исправят название. А гулять с тобой всё равно хочется.

Татьяна улыбнулась и отдала проводнице стакан. Управляющий прочитал сообщение, но ещё не ответил. За окном потянулись платформы.

На Московском вокзале Илья отвёл её в сторону от потока пассажиров и дозвонился до управляющего. Предупредил, что включает громкую связь. Татьяна прижала чемодан ногой. Ветер лез под воротник, а управляющий с привычной досадой объяснял, что доступ выдали на общий профиль и отменили, как только гостей попытались разделить.

До обеда профиль не исправить. Пока можно восстановить одну карточку и провести второго гостя сопровождающим.

— Что именно может сделать сопровождающий? — спросила Татьяна.

Тот помолчал. Сопровождающий мог войти с владельцем карты и пройти по согласованному маршруту. Ни отдельного входа, ни своей подписи под результатами осмотра.

— Сначала войдите, на месте переоформим. Вы же вместе приехали.

— Приехали вместе. Но если одному придётся уйти, второй должен продолжить работу. Или тоже встать под дверью и ждать?

Илья повернул телефон микрофоном к ней. Пальцы у Татьяны немели, а управляющий уже стучал по клавишам.

— Такой вариант не подходит. Каждый отвечает за свою часть осмотра и сам её подписывает.

— Тогда основным сделаем Илью? У него есть местный профиль, это быстрее.

— Доступом Татьяны через мой телефон управлять не будем, — ответил Илья. — Оформляйте на неё. Мне нужен такой же отдельный пропуск.

Он сказал это без улыбки и даже не посмотрел на неё в ожидании одобрения. Объяснение, зачем риелтору собственный пропуск, так и осталось у Татьяны невысказанным. Она натянула перчатку и отодвинула чемодан, пропуская коляску.

Управляющий согласился оформить два временных допуска на осмотр. Общая бронь пока оставалась, принимать условия проживания не требовалось. Татьяна попросила подтвердить это письменно, Илья договорился оставить багаж у дежурного.

Её код пришёл первым. Осмотр общих помещений до восьми вечера, без гостевой квартиры. Заявка Ильи ещё ждала обработки. Управляющий сверил его номер, затем прочитал дополнительный контакт. Илья перестал поправлять лямку рюкзака.

Лидия Ермакова.

— Это мать. Зачем там её номер?

— Контакт для уведомлений. Из старого профиля. Вы его сегодня открывали?

— Сегодня открывал вашу бронь. Сам профиль несколько лет не трогал.

При первом входе бронь подтянула данные из старого профиля. Извещение уже ушло на оба телефона. Управляющий предложил убрать номер матери из заявки.

— Уберите, пожалуйста, — сказал Илья. — И скажите, что именно отправилось.

Татьяна перевела взгляд на край платформы. Даже без подробностей было ясно, что Лидии пришло не расписание поездов. Ей хотелось отойти, дать Илье поговорить одному, но он держал телефон между ними и ждал ответа.

Лидии отправили обе фамилии, дату приезда, статус брони и ссылку на карточку пары. Илья выдохнул, поблагодарил управляющего за отдельные заявки и закончил разговор. Татьяна сохранила его письменное подтверждение.

— Тебе раньше приходилось объяснять ей такие ошибки? — спросила она.

— С помолвкой — впервые. Обычно удавалось ограничиться потерянными ключами.

Он убрал телефон в карман, и тот тут же зазвонил. На экране высветилось «Мама». Илья показал надпись Татьяне, как будто теперь нужно было решить, кто первым возьмётся за эту часть работы.

Под навесом у вокзала Татьяна поставила чемодан у колонны. Илья объяснял матери, что приложение дома прислало рабочую бронь и никакой помолвки они не оформляли. Татьяна никак не могла застегнуть сумку и подбирала про себя подходящее слово. «Коллеги» звучало так, будто между ними ещё ничего не было.

Илья спросил у матери, можно ли включить громкую связь. Татьяна кивнула.

— Добрый день, Татьяна, — сказала Лидия. — Надеюсь, сообщение не испортило вам дорогу.

— Добрый день. До самого вокзала у нас был допуск. Теперь исправляем.

— Илья обещал зайти поужинать. Если хотите составить компанию, буду рада. Отвечать сразу не нужно, сначала доберитесь.

Татьяна отбросила заготовленное объяснение про коллег. Из трубки стучала посуда. Илья пообещал позвонить после осмотра, а Лидия попросила предупредить хотя бы за полчаса, чтобы поставить рыбу в духовку.

— В календаре тоже всё поменяли, — добавила Лида. — Был ужин, стало представление невесты. Придётся вас разочаровать: пирог с капустой.

— Мам, пирог оставь. Представление отменим.

— С пирогом ничего делать не собиралась. А название сама убрать не смогла. Сынок, приедешь — посмотришь.

Татьяна рассмеялась, и застёжка наконец попала в петлю. Лида внесла ужин в общий календарь, а тот связал его с гостевой бронью и переименовал.

Закончив разговор, Илья подвинул рюкзак, чтобы освободить место для чужого кофра, и посмотрел на Татьяну.

— Хочешь сегодня к ней? Если устала, перенесём. Сам зайду ненадолго, раз обещал.

— Хочу, — ответила Татьяна. — Только сначала мне нужен час на дом. Не хотелось бы весь вечер смотреть в телефон и выяснять, почему нас не пустили.

— Скажем, к шести?

— К шести подойдёт. Если задержимся, предупредим заранее.

Илья написал матери, что они будут к шести. Татьяна поправила шарф и сама взяла его под руку.

У вокзала они взяли по горячему бутерброду. Сыр тянулся за хлебом, на экране ждало сообщение управляющего. Татьяна убрала телефон и доела.

По дороге к дому она смотрела, как мокрый снег тает под колёсами. Илья показал, в какой стороне живёт его мать, отсюда можно было дойти пешком. Сказал, что был у неё в сентябре. Дальше пришлось объяснять водителю, где въезд.

Татьяне хотелось понравиться Лидии. Признаться в этом было труднее, чем согласиться на ужин. Уже тянуло придумать заранее подходящие ответы, а сидеть за чужим столом и проверять каждую фразу на скрытые условия совсем не хотелось. Она спросила только, как обращаться к его матери.

— Лидия. Отчество попросит оставить для читального зала.

— Она ведь понимает, что запись в приложении ничего не значит?

— Понимает. Но всё равно хочет с тобой познакомиться. Про тебя рассказывал ещё до этой брони.

Татьяна повернулась к Илье. Он улыбнулся, и ей захотелось спросить, что именно он рассказывал. При водителе она промолчала.

Машина остановилась у высокой арки. Татьяна сверила номер дома с письмом. Под ногами хлюпал снег, чемодан пришлось поставить у стены.

В глубине арки стояла решётчатая дверь с новым замком. Рядом закрепили сканер; провод от него уходил в короб над старой кладкой. Под коробом темнела полоса сырости. Через решётку был виден двор, справа за дверью — освещённое окно дежурного. Татьяна подняла телефон с временным кодом и попросила Илью пока подождать.

Сканер считал код. На экране появились обе фамилии, хотя в открытой карточке Татьяны значилась только она. Зелёная рамка охватила сразу две строки, замок щёлкнул. Надпись предлагала пройти двоим.

Код Ильи ещё не пришёл. Татьяна сняла две зелёные строки на сканере. Из окна дежурного уже звали проходить.

— Получается, тебя уже записали в мой пропуск, — сказала Татьяна.

— Спросим внутри, — ответил Илья. — Здесь мы придерживаем дверь.

Они вкатили чемодан во двор. Дежурный помахал из окна и отвлёкся на звонок.

За спиной раздались два коротких сигнала. Женщина в тёмном пальто стояла снаружи и прижимала к сканеру синий брелок. У её ног стояла большая сумка с крепкими ручками. Женщина перевернула брелок, приложила его другой стороной и подождала. Экран оставался красным.

Татьяна оставила чемодан Илье и вернулась к решётке. Изнутри дверь сразу открылась обычной ручкой. Женщина спросила, из управления ли они. Узнав, что их пригласили на осмотр, подвинула сумку к порогу.

— Тогда сначала вот это внесите. Потом расскажете, кем я теперь числюсь.

— Вас раньше пускали по этому брелоку?

— Утром выходила. Вчера входила. От ваших вопросов сумка легче не станет.

Илья поставил чемодан у окна дежурного и вышел за сумкой. Когда он поднял её, внутри звякнуло стекло. Женщина попросила не ставить сумку на мокрый порог. Дежурный узнал Зою Павловну и уверил, что её брелок должен сработать. Она приложила синий кружок к сканеру так, чтобы ему был виден красный огонёк.

— Попробовать ещё раз? Сколько положено, чтобы засчитали?

— Больше не надо, — сказала Татьяна. — Сейчас позвоним управляющему. Какой у вас номер квартиры?

Зоя Павловна Крылова, сорок первая квартира, четвёртый этаж первого корпуса. Татьяна записала адрес и время отказа. Зоя проверила запись и убрала ключи, оставив брелок снаружи.

Управляющий по телефону разрешил разовый проход по карте Татьяны и обещал проверить брелок по журналу. Она уточнила, что человек возвращается домой, и попросила сохранить запись об отказе до исправлений.

— Сейчас проведите её как посетителя. Иначе придётся ждать, — ответил он.

Зоя ждала, не сводя с неё глаз. Илья опустил тяжёлую сумку на сухой участок под стеной. Татьяна объяснила, что пока может провести её только как гостью.

— А вы тогда кто? — спросила женщина.

— Тоже гости. Нас ещё толком не оформили для осмотра.

— Хорошо устроились. Вы можете войти, а у жильца ключ не подходит. Ладно, ведите. Сумку я здесь оставлять не собираюсь.

Разовый код открыл дверь. Сканер отметил сопровождение, и Зоя сама переступила порог. Сумку внёс Илья.

Зоя сразу направилась к первому корпусу. Чемодан оставили у дежурного, а её сумку Илья донёс до лифта. Зоя приложила брелок к панели и потянулась к номеру квартиры.

Татьяна увидела, как список на экране обновился. Между сороковым и сорок вторым ничего не было. Зоя нажала на пустое место, затем достала очки и наклонилась ближе. Панель

ответила: «Для зарегистрированного пользователя маршрут недоступен». Во двор её только что впустили по чужому пропуску, а подняться к собственной квартире лифт уже не предлагал.

Глава 2. Семейный приём

Илья придержал дверь, пока Татьяна стряхивала снег с рукава, и первым почувствовал запах печёных яблок. Мать открыла ещё до второго звонка. На ней был обычный домашний фартук, но стол за её спиной уже был накрыт, и Илья сразу пожалел, что вчера не настоял на словах «просто поужинаем».

— А вот и наша невеста, — сказала Лидия, принимая у Татьяны пакет с мандаринами. — Простите, теперь это название само вспоминается. Проходите, пожалуйста.

— Мам, карточка всё ещё неправильная.

— Помню твой звонок. Руку и сердце приложение предлагало от твоего имени, не ты.

Татьяна сняла шарф, но вешать пальто не спешила. Илья подвинулся, освобождая ей место у вешалки.

— Пока согласовали только осмотр, — объяснила она. — Самостоятельные пропуска ещё придётся отстаивать, хотя во двор нас пустили вместе. Общий договор до осмотра подписывать не будем.

— А без ночлега из-за этого не останетесь?

Татьяна уже сняла номер неподалёку. Чемодан ждал у дежурного, Илья собирался ночевать у матери. С новым договором можно было подождать.

Лидия убрала телефон с тумбочки, показала Татьяне, где повесить пальто и помыть руки, а Илью отправила за водой. В прихожей он придумал шутку про рассадку гостей на свадьбе, но теперь, освобождая стул, оставил её при себе.

Подставка для горячего лежала в привычном ящике. Илья порадовался, что на кухне ничего не поменялось. Мать спросила про плечо, и он потянулся за стаканами, показывая, что уже не бережёт руку. Татьяна вернулась как раз к этой демонстрации.

— Уже выступает? — спросила она.

— Подтверждает, что может достать посуду, — ответила Лидия. — Раньше хватало просьбы.

Лидия усадила Татьяну ближе к батарее. Обычно Илья занимал это место один и на все вопросы о работе отвечал, что всё в порядке. Теперь мать расспрашивала Татьяну о дороге, и ему нравилось слушать, как они обходятся без его помощи. В её пересказе вокзальных переговоров Илья в основном спасал стакан. Напомнить о своей роли он не успел, мать спросила об осмотре.

Лифт не пустил Зою Павловну в квартиру, и управляющий перенёс проверку на утро. Зоя решила ночевать у сестры. Сумку заперли в дежурной комнате, Татьяна обещала встретить её утром у поста, а Илья проводил до машины.

Лидия отложила вилку и спросила про лестницу. Илья ответил, что она есть, но сегодня они не стали уговаривать Зою подниматься с сумкой на четвёртый этаж.

— Она сама решила уехать? — уточнила мать.

— Сама. Не хотела ждать до ночи, пока ей ответят.

— И правильно. Только завтра не дайте опять отправить её куда-нибудь ночевать.

Лидия пододвинула хлеб. Татьяна подтвердила, что утром будет у поста.

Разговор перешёл на работу Татьяны. Лидия хотела понять, как риелтор берётся за квартиры, от которых отказываются другие. Татьяна рассказала об одном собственнике, который год не мог решиться на продажу: покупатели уже были, но перед показом он каждый раз убирал из объявления номер телефона. Илья приготовился услышать тяжёлую историю о доме, но причиной оказалась веранда, которую мужчина строил вместе с отцом. До вопроса о том, что он хочет сохранить, разговор упирался в цену.

Лидия внимательно слушала. Потом призналась, что сама до сих пор хранит ключ от прежней квартиры, хотя замок там давно заменили. Илья вспомнил этот ключ на кольце рядом с нынешними и впервые узнал, почему мать его не выбрасывает. Татьяна улыбнулась и не стала превращать признание в пример из практики.

Когда Лидия предложила печёные яблоки к чаю, Илья ответил за двоих, даже не успев подумать.

— Нам по целому, мам. После дороги всё поместится.

Татьяна повернулась к нему. Илья уже держал над столом две тарелки.

— Мне половину, пожалуйста, — попросила Татьяна у Лидии. — А пирог можно завернуть с собой? Сейчас просто не осилю.

— Конечно. Выбирайте, какое яблоко разрезать.

Татьяна разрезала ближайшее яблоко. Половина осталась в форме, и Лидия спокойно налила ей чай.

— Значит, тебе целое? — спросила Татьяна.

— Придётся отвечать за обещание.

— Хорошо, что у нас отдельные тарелки.

Мать улыбнулась, наливая чай. За столом наконец перестали говорить по очереди, дожидаясь окончания чужой фразы.

У Ильи завибрировал телефон. Отдельный временный код ему всё-таки выдали, но общая карточка продолжала жить своей жизнью. Теперь домофон похвалил их за высокую стабильность пары, сославшись на совместный вход вскоре после полудня.

— Мам, можешь не волноваться. Нас уже проверили, — начал Илья и повернул к ней экран. — Хорошо стояли у решётки.

Мать наклонилась к экрану и перестала улыбаться. Её палец остановился над зелёной полосой рейтинга.

— Увеличь, пожалуйста. Вот этот номер.

Над фамилиями стояло «Р-Л/7». Мать прочла обозначение ещё раз и выпрямилась, так и не притронувшись к чашке.

— Что-то знакомое?

— Этот индекс был в приглашении? Посмотрите, пожалуйста, сам документ. Здесь могли перенести только название.

В проекте из октябрьского письма нашлась пометка Р-Л. Илья переслал матери весь файл, хотя она просила одну страницу. Лидия сняла очки, словно собиралась возразить, и сохранила вложение.

В комнате под лампой она раскрыла для Татьяны альбом со старыми петербургскими дворами. На открытках были такие же проходы между корпусами. Когда мать вернулась за чаем, Илья стоял у мойки с двумя чашками и ждал, что она сама заговорит про Михаила.

Доставая альбом, Лидия сдвинула к краю полки кассетный футляр. Илья узнал подпись Михаила по первой букве имени, которую тот всегда превращал в несколько соединённых штрихов. Внутри лежала прозрачная кассета с потемневшими наклейками. Мать протянула руку, но Илья ещё держал футляр сам.

— Откуда она здесь?

— Разбирала нижний шкаф. Там семейные записи, ты их слышал.

— Подпись Миши.

— Да. После того как он переписал кассеты. Поставь пока, пожалуйста.

Под снятой наклейкой не осталось читаемой даты. Илья вспомнил брата за кухонным столом, с ручкой и терпеливым видом человека, которому снова принесли неверно подписанную запись. Михаил сначала слушал начало плёнки и только потом давал ей название.

— Р-Л тебе тоже знакомо по семейным записям?

Мать отодвинула стул. Татьяне из соседней комнаты она подсказала, где искать дату на открытке, и попросила сына говорить тише. Сначала выбрала каждому место, теперь выбирала громкость. Илья положил футляр на стол и всё-таки сел, чтобы не нависать над ней.

— Р-Л — ленинградская исследовательская программа, — сказала Лидия. — Часть документов поступила к нам в архив. Работала с описью, видела бланки учёта участников. Этот индекс помню.

— Откуда тогда помолвка?

— Илья, в старой форме её не было. Современную карточку делали другие люди. Могли взять образец, сохранить обозначение и вписать свои условия.

— А могли сохранить вместе с тем, что в неё записывали, — сказал Илья.

— Могли. Поэтому нужны документы.

— Их и просили с октября. Пока дали помолвочный и гостевой код.

— Приложение управляющего не заменит архив. Завтра свяжусь с хранителем фонда.

— Миша эти документы видел?

Мать собрала пальцем каплю чая у края стола. Она и раньше говорила, что Михаил интересовался этими материалами, но ни разу не назвала дела.

— Спрашивал про ленинградскую часть. Кое-что посмотрел.

— Значит, начнём с того, что ему выдавали.

— Начнём с описи и вашего адреса. Номер формы совпал, остальное ещё надо установить.

— Мам, почему нельзя показать всё сразу?

— Потому что здесь нет всего сразу. Есть то, что я помню. И то, что нужно поднять из хранилища.

Илья разжал пальцы, которыми вцепился в край стула. В комнате зашуршала страница, и он представил Татьяну за альбомом. Ей обещали ужин, и до яблок всё даже получалось.

Лидия взяла футляр. Илья придержал его за угол.

— Дашь с собой? Дома есть часть записей в цифровом формате. Сравню начало, станет понятно, откуда кассета.

— Сначала проверю вкладыш. Коробки могли перепутать. Завтра скажу, что нашла.

— Это ведь его запись.

— Семейная, Илья. Получишь копию. Оригинал пока останется здесь.

Илья отпустил футляр. Мать убрала его на полку в коробку с картонной крышкой. Лучше бы она сделала это до их прихода. Тогда можно было бы спокойно допить чай и уйти.

Лидия записала индекс, адрес и название управляющей компании.

— Договорюсь о встрече в читальном зале, — сказала мать. — Татьяна тоже пусть придёт. Завтра выясню, когда подготовят документы.

— Сама позвонишь?

— Позвоню. Даже если ничего не дадут. Можешь записать, раз без этого не веришь.

Илья забрал телефон. На экране всё ещё был зелёный рейтинг, который он собирался показать ей в шутку.

Татьяна попросила разрешения снять открытку для сравнения со старой аркой. Мать придержала альбом у корешка и показала подпись издателя. Илья отнёс чашки к мойке. Вода шумела так, что несколько секунд можно было ни о чём не думать.

Лидия завернула пирог. Илье хотелось ещё посидеть с ними, но чемодан нужно было забрать до окончания допуска. В прихожей он пообещал не будить мать, если вернётся поздно. Бегунок пальто промахнулся мимо молнии, а со второй попытки зацепил подкладку. Татьяна ждала у двери с пакетом, пока он злился и расправлял ткань.

— Подождёшь минутку? — спросил он.

— Подожду. Пальто не виновато.

Илья усмехнулся, застегнулся и взял пакет, пока Татьяна надевала перчатки. Мать ещё раз пообещала позвонить утром.

До арки было десять минут по лужам. Илья собирался забрать чемодан, проводить Татьяну до гостиницы и вернуться, когда мать уже ляжет.

Татьяна забрала пирог и спросила про архив. Илья рассказал об индексе и фонде, с которым работала Лидия. Про кассету он пока мог говорить только сердито. Можно ли снять старую форму целиком, узнают при согласовании выдачи.

Они остановились у перехода. Татьяна посмотрела на него, потом переложила пакет в другую руку и взяла его под локоть. Илья подстроился под её шаг. На кухне он ещё думал, что мать нарочно затеяла разговор при госте, а теперь вспомнил, как сам ждал возможности спросить без Татьяны. От этой мысли раздражение не прошло, но подбирать обвинения стало сложнее.

На утро договорились встретиться у поста. Татьяна собиралась позавтракать в гостинице, и Илья вовремя удержался от обещания накормить обоих. Спросил только, к какому часу приходить. Она назвала время и улыбнулась, словно заметила эту задержку.

Витрина возле арки была тёмной. Внутри стояли пустые подставки, а по стеклу стекали ручейки талой воды. Днём Илья прошёл мимо, разглядывая сканер у входа, и даже не заметил магазин. Сейчас в стекле отражалась арка и Татьяна, которая чуть отстала, поправляя перчатку.

Илья замедлил шаг, услышав стук. Четыре негромких удара с длинной паузой перед последним. Паузу он узнал раньше, чем успел вспомнить, где слышал этот ритм.

Так Михаил стучал в окно, когда не хотел звонить в дверь и будить мать. Перед тем как постучать, он показывал раскрытую ладонь, ожидая, что на него посмотрят. Илья почему-то вспомнил именно ладонь, освещённую из комнаты, и собственное раздражение: опять придётся идти открывать, пока брат стоит снаружи и изображает терпение.

У края витрины шевельнулось отражение. Мужская фигура находилась за его плечом, ближе к арке; поднятая рука раскрылась у лица. Пальцы были видны всего мгновение, затем по стеклу прошла широкая капля и разбила светлый участок. Илья обернулся. Там стояла Татьяна, а дальше, до самого входа, никого не было.

В стекле осталась его собственная рука у кармана. Илья достал телефон, всё ещё глядя мимо экрана.

— Что случилось? — спросила Татьяна.

— Похоже, сбой у входа. Слышала стук?

— Слышала щелчки. Решила, что сработал замок. Ты что-нибудь видел?

— Движение в стекле. За спиной никого нет. Подожди минутку, попробую снять.

Илья взял в кадр край витрины и домофон. По его просьбе Татьяна осталась у стены с убранным телефоном. Щелчок замка помешал бы записи. Она спросила, не связано ли это с отказом Зои. Илья прикусил щёку изнутри. Хотелось сказать совсем другое, а выводы делать было рано.

— Запишем отдельно. Завтра сравним с журналом домофона.

— Хочешь посмотреть, откуда идёт?

— Хочу. Но сейчас только снимем. На осмотр договаривались утром.

— У нас пропуск до восьми. Успеешь?

— Один повтор. Не успею — останется запись с тем, что есть.

Илья чуть повернул телефон к тому месту, где раскрылась ладонь. Домофон пропал из кадра. Он вернул телефон в прежнее положение и остался ждать. Отражение дрожало в воде. Коротко звякнул металл, и стук повторился.

Илья держал телефон неподвижно, считая удары. В долгой паузе перед четвёртым ударом на панели домофона загорелся зелёный индикатор. Последний удар прозвучал позже. Татьяна по-прежнему стояла у стены, не доставая телефон, и смотрела на сканер.

Илья едва не назвал брата вслух. Решётка осталась закрытой. Он подержал кадр ещё несколько секунд и предложил войти, не прекращая съёмку. Только под аркой Татьяна достала телефон и ввела код. Домофон отозвался привычным сигналом, гораздо громче четырёх ударов. За закрытой решёткой стук повторился глуше. Илья остановил запись со звуком по обе стороны входа.

У окна дежурного Илья прослушал запись. Все четыре удара сохранились. Татьяна узнала стук и спросила про индикатор.

— Пока не знаю. Твой код тогда был убран?

— Телефон в сумке. Доставала уже под аркой, ты видел.

— Да, видел. Проверим по времени.

Он не стал снова прокручивать запись при ней. После разговора с матерью Михаил мерещился ему в каждом стуке. В Москве Илья уже слышал знакомый голос там, где не могло быть живого брата, и всё равно оборачивался.

Татьяна предъявила дежурному квитанцию на чемодан. Пока она расправляла сложенную бумагу, Илья держал ещё тёплый пирог. Пахло капустой. Ему вдруг захотелось потребовать, чтобы мать достала кассету прямо сейчас. Он убрал телефон, не позвонив.

Перед выходом Илья дописал к записи улицу, номер дома и «витрина справа от внешней арки». Начало съёмки сохранилось автоматически, 19:47. Он отметил, что индикатор загорелся до последнего удара, и оставил исходный файл целиком. Потом подхватил пирог и придержал дверь для Татьяны с чемоданом.

Глава 3. Этаж, которого нет

Татьяна пришла за десять минут до встречи. Зоя уже ждала у поста с квитанцией, вчерашняя сумка стояла у её ног. Из окошка тянуло теплом. Илья подошёл со стороны улицы и спросил, выспалась ли Татьяна. Кофе он не принёс. Она позавтракала в гостинице и была рада сразу заняться делом.

Её допуск продлили до вечера. Зою впустили вручную, брелок всё ещё не работал. Управляющий оставил телефон сотрудника, который примет их после проверки. Татьяна позвонила.

Сотрудник предположил, что дело в долге после обновления расчётов. Назвать неоплаченный месяц он не смог и предложил прийти с квитанциями.

— Сначала ей нужно попасть домой. Квитанции лежат в квартире.

— Дежурный вас впустил?

— Во двор. До квартиры ещё не добрались. Ждите нас после осмотра и пока ничего не закрывайте в заявке.

Татьяна пока не сказала Зое о долге. Хотелось сперва дать ей попасть домой и снять пальто. Объясняться на улице рядом с собственной сумкой пришлось бы Зое, хотя никто ещё не показал, что она задолжала.

Лифт узнал брелок, но квартиры сорок один в списке не было. Зоя решила доехать хотя бы до третьего. Илья остался внизу с сумкой.

Татьяна вошла вместе с Зоей. На третьем двери раскрылись, показав лестничную площадку с окном, но женщина не вышла сразу. Попробовала выбрать четвёртый на внутренней панели. Кнопка мигнула и погасла; внизу появилась строка о завершении гостевого маршрута.

— Какой же гостевой? — сказала Зоя. — Домой еду.

Татьяна успела снять сообщение. Двери закрылись, и кабина поехала вниз, хотя ни одна из них не нажала кнопку первого этажа. Зоя стояла у поручня, следя за цифрами, и вышла в вестибюле раньше, чем Татьяна успела предложить помощь.

— Теперь сами прокатитесь. Может, вас повезёт туда, куда заказывали.

— Сначала попробую своей карточкой. Вы посидите, здесь есть стул.

Илья подвинул Зое стул. Рабочий пропуск Татьяны открыл другой список, тоже без четвёртого этажа. Введённый вручную номер квартиры панель отклонила. Татьяна предложила выйти на третьем и дальше идти пешком. Зоя решительно поднялась со стула.

— Больше на нём не поеду. Свою лестницу помню. Молодой человек, сумку возьмёте?

— Возьму. Где удобнее передохнуть?

— На площадке после второго этажа. Там окно, можно присесть.

— Тогда там и остановимся. Татьяна, пойдёшь впереди?

Пока Илья надевал рюкзак, почтальон приложил брелок и сел в кабину. Над дверью загорелась четвёрка. Зоя уже ждала у лестницы. Татьяна придержала ей дверь.

Зоя поднималась медленно, скользя ладонью по перилам. Татьяна шла на несколько ступенек впереди. Илья ждал на поворотах, пока Зоя пройдёт, и только тогда нёс сумку дальше. На скамье после второго этажа Татьяна села рядом с Зоей, хотя сама не устала. Из окна было видно, как дежурный впускает курьера.

Зоя поправила платок на шее и спросила, откуда они с Ильёй знакомы. Татьяна ответила, что они вместе работали в Москве. Женщина посмотрела на Илью, который молча ждал у окна, и уточнять ничего не стала. Вместо этого она попросила не переворачивать сумку: внутри банки, которые сестра передала ей ещё вчера.

— Теперь понятно, почему звенит, — сказал Илья. — Так и понесём, как поставили.

— Тяжело?

— Заметно. Но до четвёртого донесём. Скажите, когда идти.

Татьяна ждала шутки про вес домашнего угощения. Илья молча убрал телефон в карман и подхватил сумку, когда Зоя сама встала. На повороте он спросил, не подождать ли внизу, пока Татьяна проверит верхнюю площадку. Она вызвалась посмотреть. После вчерашних переговоров ей особенно нравилось, что он сперва спрашивает.

Четвёртый этаж был на месте, вместе с ковриком и латунным номером сорок один. Электронная накладка на брелок ответила красным. Под ней Татьяна заметила замочную скважину. Зоя вытащила из связки длинный ключ на отдельном кольце, Илья поставил сумку на коврик.

— Говорили, старый теперь только на всякий случай, — произнесла Зоя.

— Сейчас как раз такой случай. Попробуйте без брелока.

Зоя повернула ключ и нажала на дверь плечом. В прихожей пахнуло теплом, у косяка зажглась обычная лампа. Татьяна впустила Илью с сумкой, ещё раз взглянула на красный огонёк накладки и закрыла дверь.

Илья отнёс сумку к кухне. Татьяна села и положила телефон экраном вниз, пока хозяйка стягивала сапог, держась за спинку стула. Зоя сама спросила о звонке. Сотрудник видел отметку о долге, но назвать месяц не смог. Зоя молча достала папку с квитанциями.

— За квартиру плачу сразу. Даже когда показания ещё не приняли. Потом пересчитывают.

— Посмотрим последний платёж? И то, что сейчас показывает приложение.

— Смотрите всё. Только потом не говорите, что бумажки потерялись.

На квитанции стояла банковская отметка за начало декабря. Татьяна записала сумму и дату. В приложении за прошлый месяц оставался ноль, а за «нестабильный режим потребления» выставили восемьсот сорок рублей. Начислено семнадцатого декабря в семь часов пять минут, период начался вчера. Вместо объёма воды стоял номер события со ссылкой.

— У сестры ночевала, — сказала Зоя. — И за это тоже набежало?

— Здесь пока не видно, за что выставили. Можно снять эту страницу и платёжную отметку? Чтобы в офисе не пришлось искать всё заново.

— Можно. Номер карты не снимайте.

— Мы его закроем. Нужны дата и сумма.

Татьяна прикрыла банковские реквизиты листом и сняла квитанцию с экраном. Илья достал микрофон и спросил, можно ли записать вчерашний рассказ. Зоя оборвала фразу. На экране Ильи всё ещё был список файлов, запись он не включил.

— Снимайте экран. Голос оставьте при мне.

— Запись только для нас, без публикации, — сказал он.

— Сегодня для вас. А завтра попадёт ещё куда-нибудь. Потом по телефону снова услышу, что сама просила.

Илья убрал микрофон. С разрешения Зои переписал номер заявки, не уговаривая её, как сделал бы прежде ради точной фразы.

— Если понадобится ваш рассказ, запишем с ваших слов на бумаге и дадим прочитать, — предложила Татьяна.

— Вот это можно. И про сумку напишите, что дома не было, а у дежурного.

Зоя вышла утром и вернулась после полудня. Татьяна нашла свой снимок красного экрана от шестнадцатого декабря, 12:18. В карточке Зои отказ стоял под тем же номером, что и начисление.

По ссылке открылась история квартиры. В 12:18:04 счётчик холодной воды передал сообщение домофону первого корпуса. Через пять секунд отключился брелок. Восемьсот сорок рублей начислили уже утром, по вчерашней отметке. Илья попросил показать счётчик под раковиной. Татьяна сверила видимую часть номера и попросила пока ничего не трогать.

— Он же воду считает, — сказала Зоя. — Зачем ему дверь?

— Это и нужно спросить у тех, кто их связал, — ответила Татьяна. — В приложении видно, откуда пришла отметка. А кто назначил по ней отказ, здесь не написано.

— Значит, опять в управляющую компанию.

— Пойдём вместе. Возьмём только эти квитанции, всю папку носить не надо.

Зоя вернулась к странице начисления. Палец задержался над кнопкой оплаты, и Татьяна успела заметить, как хозяйка поджала губы.

— Может, заплатить, чтобы больше не гоняли?

— Решать вам. Но дверь отказалась открываться раньше, чем появился этот счёт. Платёж не объясняет, почему он выставлен.

— Тогда пока не буду. Сначала пусть покажут, что за режим у меня нашли.

Зоя убрала телефон. Татьяна положила рядом выписанное время отказа. На кухне было тепло, а ладони всё равно хотелось потереть. В Москве ей уже попадались приборы, знавшие о людях больше, чем положено. Пяти секунд между двумя отметками хватило, чтобы Зое пришлось ночевать у сестры.

Зоя предложила чай. Татьяна уже собиралась торопить её в офис, но хозяйка достала кружки, а Илья спросил, куда наливать воду для чайника. Можно было дать Зое немного побыть дома.

Она рассказала, что сестра вчера хотела передать ей ещё и пирог. Пришлось отказаться: сумку уже не поднять. Татьяна вспомнила свёрток, который Илья вечером донёс до гостиницы, и улыбнулась. Он встретился с ней взглядом и пододвинул сахарницу поближе к хозяйке.

За чаем Татьяна свела две вчерашние отметки и номер утренней заявки. В приложении была история квартиры, полный журнал ещё предстояло получить.

Зоя сложила квитанции и отделила механический ключ от брелока. На площадке сама проверила замок. Ключ открывал дверь без карточки. Сумку оставили дома и к полудню по лестнице спустились в приёмную со двора.

Утренний собеседник снова сослался на задолженность. Татьяна положила перед ним квитанцию и лист с двумя вчерашними отметками.

— Начисление появилось сегодня. Вход закрыли вчера. С какого платежа началось ограничение?

— На счёте числится сумма к оплате. Пока она не закрыта, статус может не обновляться.

— Как сегодняшний счёт закрыл вчерашнюю дверь?

Сотрудник потянулся к мышке. Татьяна убрала квитанцию в папку. Если опять спорить с общей строкой, Зоя и вечером окажется у лестницы с объяснением вместо ключа.

Илья назвал номер утренней заявки. Сотрудник уже начал перепечатывать жалобу, когда вошёл председатель совета дома. Он поздоровался с Зоей и взял подготовленный список.

Зоя нашла в списке себя, Лукину и Грачёва. Лукина жила одна после отъезда дочери, Грачёв давно вёл хозяйство сам. Долгов за ним Зоя не помнила. Председатель объяснил, что визирует обращения. Татьяна попросила показать заголовок. «На проверку». Фамилии по квартирам, оснований рядом не было.

— Это вы составляли список? — спросила она.

— Из управления принесли. Жильцы жалуются, нужно разобраться.

— Здесь рядом с фамилией есть отметка об ограничении. Кто её поставил?

— Система выгрузила. Подтверждаю, что жалоба принята в работу.

Председатель подписал лист и поставил сегодняшнее время, 11:26. Татьяна с его разрешения сняла лист с резолюцией. Он прикрыл соседние страницы. Зоя спросила, не он ли закрыл ей вход. Председатель ответил, что впервые увидел список утром и никого не выселяет. Татьяна оставила это слово без ответа. Пока у них были отказ прибора и начисление.

— Квартира у меня никуда не делась, — сказала Зоя. — А добраться до неё теперь можно только с вашего разрешения.

— Сейчас разберёмся.

— Вчера тоже собирались. К сестре второй раз не поеду.

Татьяна запросила первичный журнал. Ей нужны были сообщение счётчика, команда и ответы отдельных приборов до начисления. Сотрудник мог распечатать лишь историю обслуживания и позвонил оператору проекта. Пока он слушал, отвернувшись к окну, председатель снова предложил снять ограничение после оплаты. Зоя раскрыла файл с квитанцией. Татьяна придержала лист, чтобы он не соскользнул со стола.

— Оплатите сейчас, потом вернут, если ошибка, — добавил он.

— Пусть сначала объяснят, за что, — ответила Татьяна. — Нам нужен вход домой сегодня. Без признания этого начисления.

— Другого способа в программе нет.

— Тогда нужен способ, который работает без программы.

Илья показал на телефоне утренний отказ лифта и предложил сравнить выгрузку с замерами. Татьяна уже собиралась потребовать сначала журнал, когда заметила, что Зоя складывает бумаги и больше их не слушает.

Сотрудник закончил звонок. Технические выгрузки согласовывала Анна Ржевская, директор «Дома согласия». Встретиться с ней можно завтра, сегодня дадут распечатку событий. Снять ограничение здесь не могли.

— Завтра придём, — сказала Татьяна. — Но Зое Павловне нужен отдельный ключ от общего входа. Не гостевой код через наш телефон.

— Служебная дверь есть. Ключ у дежурного.

— Выдайте ей копию под расписку. И напишите, что пользоваться проходом можно до восстановления обычного доступа.

Председатель снял со связки запасной ключ. Сотрудник согласовал выдачу и оформил расписку с номером заявки и сроком до восстановления постоянного доступа. Начислений в ней не было. Зоя прочла оба экземпляра, подписала и убрала свой к квитанциям.

В распечатке остались вчерашний отказ и сегодняшнее начисление. Передача от счётчика, которую Татьяна видела на снимке, исчезла. Сотрудник развёл руками. Форма печатала то, что позволяла программа.

— Этот лист не заменяет журнал, — сказала она. — Так и отметьте в запросе Ржевской: нужен источник команды, а не только результат.

— Передам. Здесь могу дать только эту форму.

Илья сохранил подтверждение встречи на следующее утро. Татьяна пошла с Зоей к служебной двери у арки. За ней был короткий проход мимо поста в первый двор. Замок открылся ключом без подтверждения на компьютере. Зоя прошла первой и убрала ключ отдельно от брелока.

Татьяна положила распечатку в папку. Первый отказ стоял под шестнадцатым декабря, подпись председателя появилась семнадцатого в 11:26. На встречу с Ржевской нужно было принести обе даты.

Глава 4. Дом согласия

В демонстрационной квартире второго корпуса пахло кофе. Татьяна положила папку на стол и попросила начать со вчерашнего запроса. Анна Ржевская, директор «Дома согласия», приготовила планшет с большими зелёными цифрами. Даже чайник показывал вместо температуры «Стабильность».

Ржевская знала про ключ Зои и подтвердила, что механический обход сохранится на время проверки. Источник команды от счётчика предложила обсудить в диспетчерской после показа.

— За этим и приехали, — сказала Татьяна. — Нужен журнал до отказа, с указанием источника каждой команды.

— Запрос получен. Сначала покажу, как устроено обслуживание. По одной строке история дома не видна.

— По общему показателю дверь Зое тоже не открывается.

Анна попросила десять минут. Татьяна согласилась посмотреть сравнение профилей. У окна сидели Ася и Савва Мельниковы, жильцы корпуса. Они разрешили показать свою карточку. Савва придвинул Татьяне стул и напомнил жене о сумке в прихожей. Ася уже забрала из неё ключи. От их обычного разговора квартира на миг перестала казаться выставочным залом.

На стене загорелась зелёная лампочка микрофона. Анна предупредила, что команды и ответы попадут в журнал показа. Татьяна и Илья разрешили запись для демонстрации, публикацию исключили. Мельниковы дали согласие каждый за себя.

На экране показали хозяйственный вход во второй корпус. У двери ждал сотрудник с пустой тележкой. Татьяна нажала «Открыть» со своей гостевой карточки. Дверь осталась закрыта, заявка ждала подтверждения дежурного.

Анна вывела на тот же планшет общую карточку Мельниковых. Ася подтвердила запрос со своего телефона. Савва нажал ту же кнопку, и сотрудник сразу открыл дверь. Первая заявка всё ещё ждала проверки.

— Одна дверь и один запрос, — сказала Татьяна. — Гостю нужно дождаться человека, домохозяйству можно сразу.

— У жильцов подтверждён маршрут и ответственность за вход, — ответила Анна. — Для постоянного обслуживания это экономит время.

— Зоя Павловна тоже постоянный жилец.

— Её случай разбираем отдельно. Сейчас сравниваем рабочие режимы.

Татьяна записала оба номера. Разницу между гостевым и парным доступом она теперь видела сама. Отказ Зое это пока не объясняло.

У Мельниковых в конце недели истекала льгота на обслуживание. Анна показала расчёт на следующий месяц и продлила её после согласия обоих. В списке событий рядом с продлением, в ту же секунду, появился отказ по квартире пятьдесят девять.

— Пятьдесят девятая рядом с вами? — спросила Татьяна у Аси.

— Через площадку. А что там?

— Отмечен отказ. Анна, верните, пожалуйста, предыдущую строку.

Ржевская свернула события в зелёную полосу выполненных обращений. Причину отказа, по её словам, можно было узнать только из отдельной карточки. Мельниковы не могли дать согласие за соседей. Татьяна записала номер события, не открывая чужих данных.

На дисплее чайника сменились цифры. Анна переключила панель на посетителей. «Помолвленные консультанты» уже получили предварительный балл за совместные гостевые входы, хотя жилой профиль ещё не действовал.

— Чайник тоже должен знать, помолвлены мы или нет? — спросила Татьяна.

— Он показывает карточку активных пользователей, — ответила Анна. — Название исправляется в форме. Сам прибор отношения не оформляет.

Илья улыбнулся, но от чайника не отошёл. Татьяна взглянула на зелёную лампочку микрофона. Хотелось увидеть хотя бы одну цепочку целиком, пока день не свернулся в зелёную полосу.

За четыре недели до запуска проекта зарегистрировали тридцать шесть жалоб, за последние четыре девять. Квартиры в обоих подсчётах были те же. Анна показала номера обращений и по памяти назвала, откуда дежурному чаще звонили из-за шума и общего входа.

Цифры совпадали с отчётом. Только Зоя со своей сумкой всё равно стояла бы под аркой. Татьяне нужны были обе части истории.

Она попросила перейти к случаю со счётчиком. Анна потянулась к папке с обращениями, но Илья заговорил первым. Он сказал, что сначала нужно разобраться с доступом Зои, а техническую последовательность действий они успеют запросить позже.

Татьяна повернулась к нему. Вчера он сам предлагал сравнить показания приборов с журналом, а теперь при Анне отодвинул на второй план единственный запрос, с которым они пришли. Илья внимательно посмотрел на неё, но остался стоять на месте, возле чайника.

— Без этой последовательности снова получим предложение оплатить счёт, — сказала она.

— Сейчас тратим время на строки. Ей нужен работающий вход.

— Механический вход уже есть. Нужен ответ, почему закрылся обычный.

— Можно сначала посмотреть, что даёт общий профиль. Вдруг проблема только в нём.

Последние слова он произнёс чуть громче, чем требовалось за столом. Зелёная лампочка микрофона продолжала гореть. Татьяна заметила, как его взгляд на мгновение скользнул по дисплею чайника, и почувствовала, что начинает злиться уже по другой причине.

— Ты сейчас возражаешь или проверяешь реакцию?

Илья помедлил. На чайнике балл поднялся с восьмидесяти одного до восьмидесяти трёх. Оба пользователя участвовали в разговоре. Татьяна успела прочитать отметку, Илья записал время, и Анна закрыла карточку.

— Демонстрацию приостанавливаем, — сказала Ржевская. — Сценарий проверки не согласован. В работу действующей системы без предупреждения не вмешиваются.

— Просто поговорили, — начал Илья.

— Поговорить можно. Вы намеренно задавали системе условия и следили за результатом. Эти данные попадают в рабочие карточки. Пробные сценарии сначала согласовывают.

Анна выключила микрофон. Ася отодвинула чашку и спросила, можно ли им уйти. Они соглашались показать команду входа и продление льготы. Татьяна извинилась за задержку. Вопрос о соседской квартире остался без ответа.

Когда за Мельниковыми закрылась дверь, Ржевская собралась закончить встречу. Татьяна попросила пять минут. Защищать опыт Ильи ей не хотелось, а запрос Зои всё ещё лежал на столе.

— Проверку остановили. Давайте отделим её от нашего запроса по Зое Павловне. После перерыва продолжим без новых экспериментов.

Анна согласилась подождать в диспетчерской этажом ниже. Илья подал Татьяне папку, и они вышли на площадку. В окне был виден проход, по которому только что ушли Мельниковы.

— Почему не сказал заранее?

— Хотел проверить, снизится ли балл из-за возражений. Думал, сразу увидим и спросим, за что сняли.

— А услышал, что встреча закончилась.

— Не рассчитывал, что она остановит показ.

— Теперь рассчитывай. Зое ещё нужно вернуть доступ. Второго приглашения у нас нет.

Илья открыл заметку. Татьяна знала это выражение лица. Он уже искал момент, когда опыт пошёл не так, а ей хотелось, чтобы он посмотрел на неё. Илья переслал время спора, прибавку и отметку об участии обоих, потом убрал телефон.

— Спешил поймать понятный эффект, — сказал Илья. — Два ответа, изменение цифры. Хорошо показать, как дом штрафует за спор. А он повысил оценку.

— И спорить пришлось мне.

— Да. Нужно было спросить.

Татьяна поправила край файла в папке. Наблюдение хотелось отбросить вместе с его способом проверки, но оба видели, как вырос балл.

— Замечаешь что-то новое — записывай, — сказала она. — Если хочешь вызвать реакцию, сначала обсудим. Особенно когда проверка касается нас обоих.

— Договорились. Сейчас без новых тестов.

— И Ржевской не надо за меня отвечать. Про продолжение сама скажу.

Илья спросил, не перенести ли разговор. Татьяна покачала головой. Пальцы всё ещё сжимали папку. Внизу ждала женщина, которая теперь могла потребовать согласовывать с ней каждый их шаг. Уходить, оставив только её удачный график, не хотелось.

В диспетчерской Илья положил телефон экраном вниз. Татьяна разложила снимки. Брелок отклонили шестнадцатого декабря, начисление появилось семнадцатого. В распечатке не было сообщения счётчика. Анна нашла обращение по номеру.

Механический обход для Зои оставят. Полный журнал содержал данные связанных приборов, поэтому выдачу фрагментов Анна согласует после проверки прав. Татьяна напомнила, что запрос подавали вместе с хозяйкой. Срока Ржевская пока не назвала.

На схеме оба двора соединял переход. Татьяна прежде всего нашла служебную дверь с выданным Зое ключом. Анна согласилась прислать оба периода отчёта о жалобах с номерами обращений.

— Проверим в обычных условиях, — предложила Татьяна. — Там, где живут люди. Нам нужны оба корпуса и обращения, которые не попали в демонстрацию.

— На гостевом допуске вы будете ждать сопровождения. Домашние маршруты открываются из профиля домохозяйства.

— Поэтому нужна временная работа внутри. С доступом к своим действиям, а не только к этому экрану.

О проживании Анна заговорила охотнее, чем о пропавшей строке. Консультантам оставили гостевую квартиру в первом корпусе, с двумя спальнями и общей кухней. Татьяна вспомнила чемодан у узкой гостиничной кровати. Переезд сэкономит время, но общая форма уже стоила им двух пропусков.

Отдельного служебного режима для наблюдения не было. Роль консультантов можно было записать в договоре, сохранив парный профиль. Жилой допуск включится только после подтверждения текста на локальной панели.

— Слово «помолвленные» убираем из договора, — сказала Татьяна. — Оформляем временное проживание и обследование. Срок — не больше тридцати дней.

— Это можно записать. Но профиль останется общим.

— У каждого будет свой ключ. И возможность завершить участие без подписи другого.

Илья поддержал условие. Татьяна пояснила, что при отъезде одного второй сам решает, продолжать ли обследование. Забрать вещи и выйти каждый сможет без взаимного разрешения. В проекте убрали бессрочное продление и записали индивидуальный выход. Илье показали отдельный механический вход и пообещали каждому ключ. Татьяна собиралась проверить дверь до подписи.

Она положила перед Анной снимок истории Зои и распечатку, из которой исчез источник команды. Ржевская попросила открыть консультантам расширенную историю их действий.

— С возможностью сохранить исходные строки, — добавила Татьяна. — Чтобы после сводки они не исчезли.

— По вашим действиям — да. Чужие данные выдаются отдельно.

— По обращениям жильцов будем запрашивать с их разрешения. Запрос Зои остаётся в работе.

— Остаётся. Его уже передали на рассмотрение.

На экране уже стояли срок и индивидуальный выход. Анна показала поле для заключения консультантов. Их совместимость, по её словам, давала хороший повод проверить, как система помогает паре в быту. Татьяне хотелось отодвинуть экран. Они с Ильёй ещё не отошли от спора, а два балла уже годились для отчёта.

— Заключение будет по результатам, — сказала она. — Обещать положительный вывод сейчас не можем.

— Я отвечаю за проект и хочу, чтобы его проверили по-честному, — ответила Анна. — Если есть ошибка, её нужно найти. Но снижение количества жалоб уже заметно.

— Тогда это и подтвердим. А причину проверим отдельно.

Заранее заданную оценку убрали. Татьяна попросила прислать проект обоим и пометила, что комнаты и ключи проверят до подписи. Пока Анну отвлекли, Илья спросил, хочет ли она переезжать сегодня. Можно ещё переночевать в гостинице. Татьяна задержала палец на коридоре между спальнями.

— Сначала посмотрим комнаты. Потом решим, — ответила она. — Что тебе нужно, кроме ключа?

— Собственная спальня. И чтобы личные разговоры не становились частью отчёта по дому. Это тоже запишем.

— Запишем. Без этого не утверждаем.

Он кивнул и откинулся на спинку стула. Татьяне стало немного легче от того, что сегодняшний переезд ещё не считался решённым вопросом. Хотелось посмотреть, куда придётся ставить вещи, как закрываются двери спален, и только потом соглашаться проводить с Ильёй утро на одной кухне. От самого этого утра она не отказывалась.

Анна подтвердила, что сначала покажут квартиру и выдадут бумажные экземпляры. Татьяна настояла на одном тексте с номером версии в распечатке и на локальной панели. В присланном проекте уже значилось обследование обоих корпусов. «Помолвленных консультантов» в заголовке больше не было.

Татьяна положила распечатку о тридцати шести и девяти жалобах поверх отказа Зое. Отдельно сохранила номер события по квартире пятьдесят девять рядом с продлением льготы Мельниковым. Илья ждал у двери. Она взяла папку и пошла с ним смотреть комнаты.

Глава 5. Договор на тридцать дней

В первой спальне у окна стоял большой письменный стол. В соседней стол был меньше. Илья вспомнил, как ответил за двоих у матери, и спросил, где Татьяне хотелось бы работать.

— Здесь можно? — спросила она. — Бумаги хотя бы на кровать складывать не придётся.

— Конечно. В соседней тоже нормально.

Татьяна поставила папку на стол и проверила оконную ручку. Илья остался в коридоре. На плане две спальни были условием договора. Теперь одна стала её комнатой, и ему хотелось научиться останавливаться у порога.

В обе спальни входили из коридора, минуя общую комнату. Квартира была на третьем этаже первого корпуса. Дверь Ильи находилась напротив кухни, у дальнего угла стоял короб с небольшим нижним люком.

По просьбе Ильи сотрудник показал запасной выход по внутренней лестнице, тот самый проход мимо поста, которым вчера воспользовалась Зоя. Изнутри дверь открывалась вручную, снаружи обычным ключом. Татьяна сама вышла во двор. Илья проверил оба замка своей связкой. У каждого были ключи от квартиры и служебного входа.

Анна уже ушла. На кухне Татьяна вписала в распечатку конец тридцатидневного срока и потребовала уточнить, что выход одного жильца не считается уведомлением за второго.

— И обещать от чужого имени нельзя, — сказала она. — Даже если в программе один профиль.

— Это про обследование или про проживание?

— Про то и другое. Свою часть каждый подтверждает сам.

Илья сел рядом, оставив между ними место для двух экземпляров. После утренней проверки было полезнее смотреть на свою строку, чем опять искать удачную формулировку за двоих.

— Добавьте запрет на запись личных разговоров, — попросил Илья.

Сотрудник показал пункт о голосовом управлении. Илья указал, где добавить новую строку.

— Сохраняйте команду для прибора после нажатия кнопки. Разговоры между нами — нет. Постоянную запись кухни и спален не разрешаем. Разбор жалоб по отдельному согласию. Домашний разговор к материалам обследования не относится.

— Должно быть отдельно в тексте, — поддержала Татьяна.

Пока сотрудник печатал правку, Илья показал Татьяне значок ручного включения микрофона. Нажимать пока не стал.

Они сверили новый номер версии и текст на бумаге, телефоне и панели в прихожей. Ещё раз прочли условия выхода и запрет записи. Татьяна подтвердила первой, затем Илья приложил телефон к считывателю под своей фамилией. На бумаге тоже расписались каждый за себя и получили по экземпляру с отметкой управления.

— Комнаты устраивают? — спросил он перед уходом.

— Да, — ответил Илья. — Свои вещи сегодня привезём.

Татьяна тоже согласилась. Когда сотрудник ушёл, Илья положил договор рядом с ключами. Через приоткрытую дверь было видно, как Татьяна устраивается за столом в своей комнате. Он представил, что вечером услышит оттуда обычный вопрос, а не просьбу открыть очередной журнал.

Из прихожей донёсся короткий сигнал. На панели под их фамилиями появилась надпись «Протокол совместного проживания активирован». Илья подошёл, ожидая увидеть время выдачи допуска, но на экране открылась другая страница. Вверху было указано общее время подъёма — восемь утра. Ниже был назначен ужин на девятнадцать часов.

Татьяна вышла из комнаты с бумагами. Илья посторонился, чтобы она могла прочитать сама, и развернул свой экземпляр на тумбочке. В договоре не было указано время приёма пищи. Тем временем на панели появилась строка о допустимом перерыве в общении: не более шести часов.

— Сон тоже считается? — спросил Илья.

— Здесь не написано. В документе вообще ничего не сказано о молчании.

Она прокрутила страницу вверх. В заголовке говорилось, что это приложение для домашних устройств. Под ним стояли отметки о кровати и кухонной зоне, как будто эти сведения сами по себе давали право составить для них распорядок дня. Илья нажал на информацию о документе, но там был указан только номер их общего профиля.

— Верни подписанный текст. Какой номер? — попросила Татьяна.

Илья открыл документ и ткнул пальцем в номер. Татьяна нашла его в бумажном экземпляре.

— Совпадает. А приложение где в списке страниц?

— Его нет. Появилось после текста. Новую подпись не спрашивают.

— Этого не подтверждаем, — сказала Татьяна. — Найдите, куда подать возражение.

Кнопка оказалась внизу страницы. Илья отошёл от панели, пока Татьяна набирала: бытовое расписание не согласовано, обязанности отвечать друг другу через установленный интервал в договоре нет. Она сослалась на подписанную версию и отправила запись. Илья с её разрешения снял экран, захватив время.

Панель поблагодарила за участие в настройке общего быта. Вместо принятого возражения появилась отметка о совместной корректировке режима. Карточка пары стала зелёной, а список доступных помещений развернулся ещё на несколько строк. Теперь им разрешалось обследовать оба корпуса, не дожидаясь сопровождающего на каждом переходе.

Илья дочитал уведомление до конца. Система сохранила возражение Татьяны, но указала причину повышения допуска: активное взаимодействие совместных пользователей. Прямо под этой строкой значился ужин в девятнадцать часов.

— Отказались от расписания — получили больше дверей, — сказал он.

— А расписание осталось.

Татьяна переслала снимок сотруднику с просьбой подтвердить, что предписаний в договоре нет. Илья сопоставил время отметок. На чайнике прибавка появилась через несколько секунд после спора, здесь сразу после возражения.

— Сохраняет наш отказ, но считает ответы, — сказал он. — Утром спорили, теперь отказываемся выполнять расписание. В обоих случаях оценка растёт. Как будто важно только, чтобы мы продолжали.

— Тогда и спорить с ним можно бесконечно, — сказала Татьяна. — Каждый ответ будет восприниматься как подтверждение.

— Давай сохраним возражение и пока не будем дописывать.

— Сначала получим ответ от человека. За нас этот распорядок никто не выбирал.

На кухне Илья сопоставил время уведомления с подписью. Хотелось снять короткое видео о том, как дом радуется отказу выполнять его условия. Но в кадр попали бы фамилии и дверь в спальню Татьяны. Телефон остался на столе, пока сотрудник не перезвонил.

— Обязательства определяются подписанным текстом, — сказал он. — Автоматический распорядок передам оператору проекта.

— Пожалуйста, зарегистрируйте обращение. Нужен номер, — ответила Татьяна. — Приложение с панели уберут?

— Пока не могу обещать. Запрос передам.

Из окна был виден угол первого двора. До Зои этаж, до второго корпуса несколько минут. Ради этого и собирались переехать, а дом уже назначил им подъём. Татьяна предложила подо-

ждать ответа оператора. Илья посмотрел на проверенные ключи у договора. Комнаты разделили, лишние условия зафиксировали, уехать можно в любой день.

— Вещи заберу, — сказал он. — Если что-то ещё навяжут, будем решать по ситуации. Ключ останется у меня.

— У каждого. И без новых проверок на ходу.

— Выход за сумкой считается проверкой?

— Сам выход — нет. Если придётся что-то отключать, сначала позвони.

Татьяна позвонила в гостиницу. Илья убрал договор в рюкзак и написал матери, что заберёт вещи и будет ночевать в доме. Панель по-прежнему ждала общего ужина.

У главной решётки жилой пропуск потребовал подтверждения Татьяны на выход. Илье предлагали выйти её сопровождающим, хотя она звонила наверху из своей комнаты. Он отменил запрос. Уведомление успело уйти, и Татьяна позвонила сама.

— Хочет получить твоё подтверждение, — объяснил он. — И предлагает выйти сопровождающим. Хотя ты наверху.

— Вижу запрос. Подтвердить?

— Не нужно. Попробую обычным ключом. Служебный проход рядом.

— Собираешься пройти через него?

— Да. По нашей карте, обычным ключом. Сейчас у двери дежурный.

— Хорошо. Потом напиши, что открылось. Я тоже пойду за чемоданом.

Дежурный показал переключатель у служебной двери. Илья повернул ключ и нажал рычаг. Считыватель погас, дверь открылась. Как только створка закрылась за ним, лампа снова загорелась. На основном входе ничего не изменилось, дежурный тут же впустил посетителя со свёртком. Илья отправил Татьяне снимок двери с улицы и указал, где включить ручной режим. Номер ключа совпал со схемой.

По дороге к матери Илья замедлил шаг у витрины. В мокром стекле отражался только человек, разгружавший машину. Илья поправил рюкзак и пошёл дальше. Он обещал предупреждать о проверках, которые могут кончиться запертой дверью.

Лидия сложила вещи в дорожную сумку и спросила про постельное бельё. О Татьяне отдельно не спрашивала. Илья забрал провод для зарядки и показал матери ключ от гостевой квартиры. Архив подтвердил запрос, срок подготовки ещё уточняли. Письмо Лидия переслала обоим. Пока мать держала сумку у двери, Илья заглянул в комнату со шкафом семейных записей.

— Копию кассеты пришлёшь? — напомнил он.

— Помню, Илья. Архивное письмо тоже не потеряй среди уведомлений.

— Не потеряю. И про кассету напомню.

Он поцеловал мать в щёку, забрал вещи и по дороге купил продукты. У кассы пришло сообщение Татьяны. Она вышла через служебный проход и вернётся с чемоданом раньше него. Отменённый запрос так и остался без подтверждения.

У арки панель снова предложила совместный доступ. Илья прошёл с ключом через служебную дверь. Считыватель включился, как только створка закрылась. Дежурный подтвердил, что ручной режим действует только здесь и до закрытия двери. Парный профиль остался общим.

Татьяна уже распаковывала чемодан. Услышав дверь, она вышла в коридор и посторонилась, чтобы Илья мог поставить сумку у своей спальни.

— Успел за всем?

— Даже за продуктами. Теперь можно поесть без приглашения матери.

— И, надеюсь, без подтверждения домофона.

На схеме первого корпуса они отметили путь от внутренней лестницы к ручному выходу и подход с улицы. Копию сохранили в телефонах, бумагу положили возле двери.

— Включённый считыватель не означает, что проход закрыт, — сказал он. — Ключ работает отдельно. Но при следующем входе экран снова будет звать нас вместе.

— Значит, в запросе укажем: временное ручное отключение, а не отдельный электронный допуск.

— Да. Если пойдёшь смотреть что-то помимо обычного маршрута, напиши, где будешь.

Татьяна посмотрела на него поверх схемы. Он добавил, что тоже предупредит, прежде чем менять режим прибора или проверять закрытую дверь.

— Писать, где будем, — согласилась она. — А не спрашивать разрешения на каждый выход.

— Обычные дела согласовывать не предлагаю. Только чтобы потом не пришлось искать друг друга.

Илья унёс сумку к себе. За закрытой дверью было тихо, из прихожей доносился шорох Татьяниных вещей. Когда захотелось есть, он поставил гречку и разогрел купленные котлеты. Татьяна ещё разбиралась, какие документы приложить к запросу Р-Л, и попросила немного времени. Кастрюлю Илья нашёл сразу. Выбрать на незнакомой кухне посуду оказалось проще, чем способ жизни в её меню.

В девятнадцать панель позвала к общему ужину. Илья посмотрел на тарелку, вспомнил, как распорядился яблоками у матери, и постучал к Татьяне. Спросил, будет ли она сейчас есть.

— Пока не хочу, — ответила Татьяна. — В гостинице поздно пообедала.

— Тогда уберу в холодильник. Потом разогреешь?

— Да, спасибо. Только тарелку на столе не оставляй, всё остынет.

Илья убрал её порцию в контейнер. Панель повторила приглашение с обеими фамилиями. Он ответил, что время не согласовано, и пожалел, едва из прихожей подтвердили, что подготовка продолжается. Он сказал Татьяне, где еда, и вернулся за стол.

Панель не дала приглушить верхний свет до подтверждения совместного ужина. Илья снял отказ и время, выключил свет обычной клавишей и включил лампу у окна.

Татьяна пришла с кружкой и ноутбуком. Её стол занимала открытая папка с квитанциями Зои. Она спросила, может ли дочитать письмо на кухне. Илья отодвинул хлебницу. Пока грелся чайник, Татьяна сверила отказ с договором, а он ел, стараясь не задеть локтем её бумаги.

— Это уже условие для команды, — сказала она. — Не просто напоминание.

— Сохранил. Выключатель работает, через панель не даёт.

— Запишем оба результата. И что ужин мы не подтверждали.

Когда Татьяна встала за кружкой, панель объявила, что совместный ужин состоялся. Настройки снова заработали. Илья отложил вилку. Хотелось рассмеяться, но Татьяна уже снимала стол с единственной тарелкой.

— Засчитано, — сказал он. — Тебе даже не пришлось садиться за стол.

— Достаточно было прийти на кухню.

В подтверждении стояло присутствие обоих в общей зоне. Илья сохранил эту строку рядом с отказом света. Между ними прошло несколько минут.

Татьяна села пить чай. Он спросил, удалось ли понять письмо.

— Просят индекс программы и основание для выдачи дела, — ответила она. — Передам Лидии номера из наших бумаг, чтобы не искать по одному слову.

— Может, утром? Ничего нового про сам дом там нет?

— Пока нет. Коротко отвечу и закрою ноутбук.

Ему хотелось продолжить вечер за этим столом, но начинать новый допрос про архив после того, как она отказалась от ужина, было бы странным способом дать человеку побыть дома.

— Завтра позавтракаем вместе? — спросил он. — Если не нужно будет выходить раньше.

— Можно. Только не в восемь. К половине девятого успею.

— Хорошо. Утром поставлю чайник.

— И про кофе не забудь. Теперь можно не торопиться.

Илья не стал вносить завтрак в панель. Татьяна ответила на письмо, закрыла ноутбук и осталась допивать чай. Можно было поговорить о её широком столе и о запасных ключах.

Когда Илья понёс тарелку к раковине, из спальни донёсся стук капель с неровными паузами. Снаружи короба у стояка и возле нижнего люка было сухо. Татьяна остановилась у порога. Илья показал ей, откуда стучит, и попросил пока не двигать вещи к стене.

Дежурному он отправил время, место и запись стука. Отказ света сохранил для оператора вместе с дневным возражением. В коробе опять стукнула капля. Илья отодвинул от стены дорожную сумку.

Глава 6. Одна сухая кровать

Татьяна увидела воду у плинтуса раньше, чем Илья обернулся к двери. Свет настольной лампы отражался в узкой полоске, тянувшейся от короба к розетке. Илья стоял у стола, держа в руках лист с записями. Носок одной ноги уже потемнел.

— Илья, сюда. Только вдоль кровати. К розетке не подходи.

Илья шагнул к двери, но у порога потянулся за папкой. Татьяна перехватила его руку выше локтя и вывела в коридор.

— Бумаги потом. Сейчас выйди.

С листа в его руке упала капля. Он посмотрел на промокшую бумагу и положил её на тумбочку. Татьяна набрала дежурного. Первые слова пришлось повторить, она говорила так быстро, что он не разобрал, какая квартира.

— Гостевая, третий этаж. Из короба течёт, вода возле розетки. Оба вышли в коридор.

— В комнату не заходите. Сейчас поднимусь. На кухне сухо?

— Пока да. Ждём здесь.

Она убрала телефон в карман халата, оставив руки свободными. Илья отошёл от дверного проёма, и Татьяна только тогда заметила, как крепко она держала его за рукав. На ткани осталась складка от пальцев.

Нижний люк днём осмотрели, там было сухо. Теперь вода текла из верхнего стыка обшивки на стол и по стене. Чернила в раскрытой тетради расплылись, на покрывале темнело пятно. Сумку Илья ещё утром вынес в коридор. Её перенесли на кухню, за зарядкой он не вернулся.

— Телефон у тебя? — спросила Татьяна.

— Да. Зарядка там. И тетрадь.

— Провод найдём. Есть копия записей?

— Не всех. Звук в телефоне, а пометки от руки.

Татьяна подала полотенце. Илья положил на него промокший лист, не пытаясь разгладить. Между уцелевшими цифрами расползлись синие полосы.

Панель объявила аварию и сменила состояние домохозяйства на «Неустойчивое». Татьяна сняла требование подтвердить совместное присутствие. Ничего не нажала.

— Теперь мы ещё и неустойчивые, — сказал Илья.

— Из-за воды или вода из-за нас? Здесь не объясняют.

— Ничего не подтверждай. Он уже идёт.

Дежурный осмотрел комнату с порога и отключил линию на лестнице. Погасла лампа у Ильи, на кухне остановился обогреватель, но свет над столом остался. Воду перекрыли вне квартиры. Дежурный вызвал мастера и повесил на дверь отметку об отключении. До осмотра велел в комнату не заходить, даже когда перестанет течь.

— Что можно забрать, когда закончите? — спросила Татьяна.

— Сейчас ничего из внутренних помещений. Сухую комнату и кухню проверили, там можно оставаться. Мокрую до мастера не открывайте.

— Ключ от выхода работает?

— Ручной проход свободен. На этаже часть гостевого коридора закроем, лестницу оставим.

Татьяна записала номер заявки и проверила снимок. Девятнадцатое декабря, 23:38. Под требованием подтвердить присутствие стояли обе фамилии. В это время они пытались выбраться из комнаты.

Илья сидел на кухне с полотенцем на коленях. Теперь, когда мокрую комнату закрыли, Татьяну начало трясти. Она опёрлась на спинку стула и спросила про сухие носки. Пришлось

повторить тише. Илья показал на сумку и передал ей лист. Бумага на полотенце была холодной и тяжёлой.

Носки нашлись в сумке. Мокрые Илья отжал над ведром и повесил на стул. Татьяна принесла второе полотенце и на обратном пути заметила, что ходит босиком.

Кухня остывала без обогревателя. Татьяна надела свитер поверх ночной рубашки. В её спальне пол остался сухим, стена у кровати тёплой. Управление прислало сообщение, что часть этажа закрыта до осмотра. К лестнице идти можно, по размещению предложили подождать.

— Можем не ждать, — сказал Илья. — В гостинице найдём номер. Или ко мне поедем, квартира здесь, в городе.

— Сейчас?

— Когда захочешь. Вызовем такси, до входа дойдём через ручной проход. Дежурный подтвердил.

Наступило двадцатое декабря. В гостинице, откуда Татьяна переехала, ещё были свободные номера. Она проверила ночной заезд и оставила карточку открытой.

— В твою квартиру можно попасть без заезда к матери? — спросила она.

— Ключ у меня. И переночевать там можно нормально. Давай поедем, если здесь оставаться не хочется.

— Проверяю варианты. Сейчас всё кажется сложнее, чем есть на самом деле.

— Тогда не будем торопиться. Мастер не придёт быстрее от того, что мы будем сидеть на кухне.

Илья сложил сухие вещи и оставил сумку открытой у стула. Татьяна смотрела на футболку поверх свитера. Уехать можно, но утром придёт мастер, а в закрытой комнате останутся записи. И опять нужно будет возвращаться к чужой двери.

— Хочу остаться до осмотра, — сказала она. — Если здесь безопасно. В моей комнате можно спать, дежурный проверил.

— Тогда устроюсь на кухне. Только стулья сдвину.

— На стульях не выспишься. Кровать широкая, поместимся. Одеяла возьмём разные.

Он взглянул на открытую страницу гостиницы. Татьяна положила телефон экраном вверх, чтобы вариант уехать оставался перед глазами.

— Уверена? — спросил он.

— Сейчас да. Передумаю — скажу. Ты тоже можешь уехать, если тебе неудобно.

— Не неудобно. Просто не хочу, чтобы ты соглашалась на общую кровать только из-за трубы.

Татьяна слегка улыбнулась. После всего, что произошло, ей хотелось, чтобы он был рядом, но произнести это посреди кухни, над полотенцем с испорченными записями, оказалось непросто. Она закрыла карточку отеля и поднялась за вторым одеялом.

Запасное одеяло нашли в шкафу. Татьяна освободила стул и нижнюю полку для вещей Ильи, а сумку попросила поставить так, чтобы не перекрывала выход. Мокрые записи оставили на кухне.

Его провод остался в закрытой комнате. Татьяна дала свой. Розетка у стола работала, телефон можно было положить так, чтобы кабель не пересекал проход.

— Будильник оставим здесь? — спросил Илья.

— Пусть сначала зарядится. До стола доберёмся.

— Если дом поднимется ещё раньше, будильник обидится.

Татьяна наконец рассмеялась. Из коридора Илья спросил, можно ли оставить носки на стуле до утра.

— Оставь. Только не клади рядом с нашим договором.

— Он уже отдельно. К нему пока претензий больше, чем к носкам.

Татьяна сняла свитер. Илья дождался в коридоре, пока она ляжет, и машинально положил телефон на ближайшую тумбочку.

— Подожди. Здесь обычно сплю я, — сказала Татьяна.

— Уже занял чужую половину?

— Пока только телефоном.

Илья перебрался на другую сторону. В темноте шуршало второе одеяло. На кухне один раз щёлкнуло. Татьяна снова вспомнила дверь мокрой комнаты, номер заявки и время мастера. Всё было записано. Она подтянула одеяло, наконец согрелась и попросила убрать светящийся телефон.

Он перевернул аппарат. Между одеялами осталась складка простыни. Татьяна подержалась за неё пальцами и отпустила.

Из стены донёсся упрёк, будто Илья сказал, что она опять всё решила сама. Татьяна приподнялась на локте. Он лежал к ней спиной. Под одеялом стало жарко. Если он пожалел, что остался, почему не сказал, пока ещё выбирали между гостиницей и его квартирой?

— Ты это сейчас сказал? — спросила она.

Илья повернулся на подушке. Татьяна услышала, как зашуршала ткань у его плеча.

— Что именно?

— Что опять всё решила сама.

— Не говорил. Тоже слышал, со стороны стены.

Она ответила не сразу. Обида уже успела зародиться, и одним коротким объяснением её было не прогнать. Илья сел, не включая верхний свет, и потянулся за телефоном. Татьяна прислушалась к звукам в комнате: его дыхание было совсем рядом, а от стены за изголовьем кровати доносился тихий гул.

Фраза повторилась, но уже без начала. На этот раз Татьяна увидела Илью в свете экрана. Он молчал. Звук прокатился по стене и оборвался у двери, оставив после себя дребезжание, похожее на эхо в пустой трубе.

— Теперь слышно откуда? — спросил он.

— Да. Подожди, включу лампу.

Татьяна включила лампу. Шкаф, свитер на стуле, тапочки у кровати. Обычные вещи было приятно видеть. На телефоне появилось уведомление домофона о конфликтной реплике в парном профиле. Сначала она приняла упрёк за Ильин. Теперь в строке автора стояло «Шумакова Татьяна».

— Смотри, — сказала она. — Теперь это мой голос.

Илья придвинулся и попросил показать источник. В расширенной истории Татьяна сама открыла файл датчика в коридоре. Запись сделана поздно вечером семнадцатого декабря, заселились они восемнадцатого после полудня. Домофон зарегистрировал нынешнее событие двадцатого в 01:17.

Татьяна убавила звук. «Ты опять всё решила сама». Перед фразой говорил ещё кто-то, слова не разобрать. В конце коротко стукнуло. В записи согласные звучали отчётливее, и голос уже не казался Ильиным. Она положила телефон между ними.

— Раньше нашего договора, — сказала она.

— Судя по дате файла — да. И датчик в коридоре. Не в спальне.

— Тогда почему меня назначили?

Илья показал нижнюю строку карточки. Там было написано: «Привязка к ближайшему активному парному профилю».

— В исходнике фамилии нет, — сказала Татьяна. — А в моей карточке появилась.

— После привязки. Посмотри, у фрагмента и у события разные номера.

— Значит, голос не узнали. Просто назначили.

Татьяна сохранила исходный файл с номером канала и обе страницы. Фамилия была только в обработанном событии. Она уже знала, что Илья молчал и запись сделана до их переезда, а тело всё ещё помнило упрёк.

— Прости. Спросила так, будто ты уже виноват.

— Хорошо, что спросила. Не пришлось гадать до утра.

— Успела подумать, что ты жалеешь, что остался. И не сказал.

— Не пожалел. Если передумаю, сам скажу. Как договорились на кухне.

Татьяна закрыла карточку и попросила больше не включать запись. Илья поправил одеяло. Она накрыла его тёплую кисть ладонью, и он чуть повернул руку. Из стены снова коротко стукнуло. Татьяна сжала его пальцы и ослабила хватку. Илья предложил уйти на кухню. Ключи были в пальто, такси тоже можно было вызвать.

Татьяна покачала головой. Сейчас ей помогало видеть комнату целиком и слышать его дыхание рядом.

— Лампочку пока оставим? — попросила она.

— Конечно. Не мешает.

— Потом сама выключу. Когда перестану ждать, что стена снова заговорит.

Татьяна убрала телефон на тумбочку и подвинулась ближе, придерживая своё одеяло. За окном проехала машина, щёлкнула остывающая батарея, от движения Ильи натянулась простыня. Татьяна послушала его дыхание и сама выключила лампу.

Без четверти восемь позвонил дежурный. Они с мастером уже ждали у входа. Татьяна выбралась из-под одеяла, натянула свитер и впустила их. В коридоре и сухой спальне воды не прибавилось.

За верхней обшивкой короба нашли разошедшееся соединение отвода холодной воды. Оно было выше вчерашнего люка. На гайке и стене ещё стояла влага. Дежурный показал снимок места, откуда вода стекла к столу.

— Значит, здесь разошлось? — спросила она.

— Здесь. Выше места, которое вчера вскрывали. Сейчас участок перекрыт, мастер меняет соединение. Свет пока не включаем.

— Вещи забрать разрешите?

— После осмотра. Сначала уберём воду из прохода.

Илья вышел, натягивая свитер. Листы лежали на столе и на полу. Он потянулся к мокрой тетради и сам убрал руку.

— После осмотра заберём, — сказала она. — Что читается, переснимем.

— На двух страницах смыло пометки. Их примерно помню.

— Начни с того, что помнишь. Сухая бумага на кухне есть.

Татьяна оставила мастеру свободный проход. Ночью ей хотелось обвинить дом во всех смертных грехах. Утром перед ней было соединение, которое мастер мог заменить. Дежурный записал время аварийной отметки. Она попала в общий профиль автоматически, причину оценки он объяснить не смог. Татьяна попросила держать технический акт отдельно от оценки пары.

Илья восстанавливал пометки на сухой бумаге. Татьяна нашла ночной файл, но включать его при посторонних не хотела.

— В заявке укажите время и номер события, — предложил Илья. — То, что говорили потом, пересказывать не нужно. Сам файл оставим себе.

— И привязку к моей фамилии. Пусть объяснят, на каком основании.

— Да. Без описания того, где спали и как решили остаться.

В запрос Татьяна внесла дату исходного фрагмента, время события и подпись под её именем. Дежурному показала номер и метку источника, не включая звук. По таблице каналов он нашёл на плане квартиру 58 во втором корпусе.

— Этот канал закреплён за квартирой. Датчик стоит снаружи, в коридоре.

— А почему на моей странице первый корпус? — спросила Татьяна.

— Это туда прислали событие. Источник смотрите в метке, она другая.

Татьяна записала номер и спросила, кто там живёт.

— Мельниковы, — ответил дежурный. — Их вам позавчера показывали.

Илья отложил ручку. Татьяна вспомнила Асю у окна, её спокойный вопрос про льготу и соседнюю строку отказа по пятьдесят девятой. В сохранённом событии стоял тот же корпус.

— Этот канал передаёт только звук? — спросила она.

— Могу показать в таблице, куда подключён. Почему запись оказалась у вас, не объясняю. Пусть оператор посмотрит.

Татьяна сохранила канал и номер квартиры. Таблица показывала, откуда пришёл файл, а кто произнёс фразу, предстояло узнать у Мельниковых.

После осмотра мастер разрешил забрать бумаги, оставив линию отключённой. Илья сложил слипшиеся листы на полотенце, Татьяна вынесла папку. На кухне всё ещё было холодно, близилось половина девятого. Илья предложил спуститься за кофе, когда мастер закончит.

— Хочу. И спасибо за ночь.

Илья оторвался от мокрых листов. Татьяна пояснила, что благодарит его за помощь после аварии. Он улыбнулся и напомнил, что сухую комнату предоставила она. Татьяна коснулась его плеча и убрала руку, когда в коридор вошёл дежурный.

— Пойдём к Мельниковым вместе? — спросила Татьяна. — Сначала спросим, что они помнят. Запись сразу включать не будем.

— Пойдём. Когда договоримся о времени.

Татьяна написала Асе с просьбой о встрече. Звуковой файл с датой, временем и адресом остался у неё.

Часть II. Цена спокойствия

Глава 7. Идеальные соседи

Ася открыла с телефоном в руке. Визит она подтвердила ещё вчера, а к назначенному времени панель потребовала новую фотографию семьи. Пропустить отметку нельзя, только перенести на вечер. Пока Татьяна снимала шарф, Савва вынес чашки, а Илья сел так, чтобы видеть экран.

— Сначала это? — спросила Татьяна, показывая на уведомление.

— Если можно. Вчера пропустили, сегодня напоминает. Не хочется снова открывать заявку из-за картинки.

Савва пояснил, что обычно выбирают старый снимок из альбома. На экране появилась зимняя фотография. Он с большим бумажным пакетом, рядом смеётся Ася. Для парной отметки оба должны подтвердить снимок. Сегодняшний пока не отправляли.

— Давайте сначала посмотрим прошлые отметки, — предложила она. — Сегодняшнюю вы успеете подтвердить сами.

У зимнего снимка в истории стояло двадцатое декабря, 01:12. Савва вспомнил купленный светильник и коробку вдвое больше него. Пакет на фото закрывал Асе колени. Татьяна улыбнулась и спросила, когда они его принесли. В ноябре.

— Это время выбора, — пояснила Ася. — Снимок старый. Не выходили же за светильником в час ночи.

— Поняла. А почему тогда выбрали именно его?

— Наверное, он был первым в подборке.

Вечер со светильником Савва помнил до мелочей. Ночной выбор снимка вспомнил не сразу. По уведомлениям выходило, что запрос пришёл за минуту до установки. Так же было с другими снимками. Сделанные давно фотографии отмечали как новые семейные события.

— Вы в эти минуты действительно фотографировались? — спросила она.

— Нет, — ответил Савва. — Подтверждали то, что было предложено. Обычно сидим вместе; кому приходит уведомление, тот показывает второму.

— А чем вы занимались до этой отметки, двадцатого числа?

Савва сказал, что легли поздно, и тут же поправился. Наверное, ещё не ложились. Ася вспомнила спор о новогоднем вечере. Она назначила время гостям, Савва хотел сначала к родителям. Татьяна не подсказала услышанную в трубах фразу. Спросила, чем кончилось. Савва посмотрел на жену и признался, что не помнит.

— Опять из-за времени ругались? — спросил он у жены.

— Что-то вроде того. Только не ругались, наверное. Обсуждали.

— Сильно? — уточнила Татьяна.

В последние недели такие разговоры заканчивались сами, говорила Ася. Раньше могли весь вечер возвращаться к одной обиде. Савва подтвердил с облегчением, что жить стало легче. На экране улыбалась пара с пакетом. Покупку светильника он помнил отлично. Из другого вечера исчезло несколько минут.

Илья попросил разрешения выписать время уведомления и установки. Савва согласился, но Ася придержала телефон.

— Сами фотографии тоже заберёте? Не хотелось бы, чтобы потом пришлось ходить с отчётом.

— Они останутся у вас, — ответила Татьяна. — Покажете сведения об отметке отдельно от снимка?

Ася открыла другую страницу. На ней остались только время и номер подтверждения.

— Эту страницу можно снять обоим? — спросила Татьяна.

— Можно, — ответила Ася.

С разрешения обоих Татьяна сняла только время и номер подтверждения. Илья записал номер. Пока Савва подливал чай, Татьяна спросила про поздний вечер семнадцатого декабря. Коридорный датчик записал звук именно тогда. В истории нашлась ещё одна парная отметка. По словам Аси, они могли уже обсуждать гостей, но точных слов она не помнила.

— У нас есть короткий звук из истории дома, — объяснила Татьяна. — Он появился в нашей карточке ночью двадцатого, хотя сам файл старше. Позже попросим вас послушать, если согласитесь. Сейчас важнее то, что вы помните без него.

Савва согласился вернуться к записи вечером. Асе ещё предстояло подтвердить сегодняшнюю фотографию. Татьяна попросила оставить старые отметки как есть.

У двери Ася предложила запасное одеяло. Татьяна поблагодарила. Как они спали, обсуждать не хотелось. Савва спросил, не из-за их ли отметки прорвало трубу. Татьяна сказала, что мастер нашёл разошедшийся стык. А вот с голосом ещё придётся разбираться.

Зоя встретила их с квитанциями. Брелок и механический ключ лежали порознь. Утром она сама вошла через служебную дверь, теперь хотела узнать, сколько ещё носить расписку. Срока восстановления электронного доступа ей так и не назвали.

На вопрос о ночи с девятнадцатого на двадцатое Зоя вспомнила, как вышла на шум протечки, увидела дежурного и вернулась в постель. Татьяна записала это отдельно от истории с голосом.

Днём сестра предложила привезти банок и переставить вещи. На продукты Зоя согласилась, от помощи с уборкой отказалась. После часа ночи вдруг вспомнилось, как сестра распоряжалась сумкой у арки, когда Зою не пускали домой.

— Лежу и злюсь. Чем дольше лежу, тем хуже. Она хотела помочь, это понятно. А тогда даже слышать её не могла.

— Что-то случилось прямо перед этим? — спросила Татьяна. — Звонок, сообщение?

— Ничего нового. Всё обсудили днём.

Примерно в четверть второго Зоя уже встала сердитая и пошла за телефоном. В 01:16 она отправила сестре просьбу не приезжать без звонка. Перед этим прочитала сообщение вслух, злясь на пустую кухню.

Татьяна попросила показать одну строку. «Ты опять всё решила сама». Из стены этот упрёк донёсся минутой позже. Она пока оставила совпадение при себе.

— Эти слова вы сами выбрали? — спросила она и тут же поправилась: — Не слышали раньше похожую фразу?

— Если бы слышала, наверное, запомнила бы. В комнате было тихо. Только спать не получалось.

Илья тоже заметил совпадение. Зоя разрешила переписать время и слова, остальную переписку прикрыла. Только после этого Татьяна рассказала про уведомление. Зоя попросила включить запись, Илья воспроизвёл её тихо.

Зоя нахмурилась. Записали у её двери? Татьяна показала дату исходника, семнадцатое декабря. Сестре Зоя написала двадцатого. Голос был чужой, совпали слова и повод для внезапной злости.

— При чём тут сестра? — спросила Зоя.

— Пока не знаем. Поэтому записали ваш рассказ до того, как дали послушать.

— Не надо ей это пересылать. Утром уже помирились. И сообщение бы удалила, да пусть пока висит.

— Оставьте себе. Нам хватит разрешённых строк.

Зоя рассказала, что утром извинилась перед сестрой и сама удивилась своей резкости. Она и раньше могла вспылить, но тогда знала, с чего всё началось. А тут повод был давний, разговор давно закончился, а чувство вернулось такое, будто спорили только что.

В дверь позвонила Валентина Ильинична Лукина. Она тоже попала в список на проверку. Татьяна попросила Зою пока не рассказывать о голосе. Лукина принесла уведомление по квартире пятьдесят девять и спросила, нужен ли ей механический ключ. Её обращение предстояло разбирать отдельно. Татьяна записала номер и спросила о последних сбоях.

Девятнадцатого посылку оставили у соседей. Лукина забрала её без претензий, а ночью вдруг засела на кухне над правилами доставки. Илья повернул телефон, собираясь показать файл. Татьяна коснулась края аппарата и предложила сначала дослушать. Он вернулся к заметкам и спросил, помнит ли Лукина время.

— В час двадцать две написала в поддержку. До этого несколько минут искала заказ. Встала примерно в двадцать минут второго, часы в прихожей светятся.

— В тот момент вам ещё не ответили? — спросил Илья.

— Автоматическое сообщение. Утром ответил живой человек. Ночью уже хотелось сказать всё, что не сказала за день.

Новых звонков не было. Посылка с вечера стояла у входа. Лукина вспомнила её, когда проснулась, а отчего так разозлилась, объяснить не могла. Чужих слов не слышала, воды у неё не было.

Илья записал примерное начало и отдельно точное время обращения в поддержку. Лукина прочла запись и разрешила сохранить её без сведений о содержимом посылки.

— Это из-за дома? — спросила она.

— Проверяем, — ответила Татьяна. — У нас пока совпадение по ночи. Время начала вы помните приблизительно, время сообщения — точно. Это тоже оставим в записи.

Обе проверили записи о себе. Лукина ушла с номером обращения, а Зоя согласилась сохранить переписку и вернуться к сверке вечером. Татьяна обрадовалась паузе. Уже хотелось соединить две обиды и старый голос в одну цепочку, а оснований ещё не хватало.

После девяти они вернулись к Зое. Та открыла переписку сама и попросила не задерживаться. Хотелось лечь пораньше. Татьяна вынесла звук семнадцатого декабря в отдельную строку. На листе за двадцатое отметили снимок Мельниковых в 01:12, сообщение Зои в 01:16 и доставку события на телефон Татьяны в 01:17. Запрос фотографии появился примерно за минуту до выбора.

— Значит, Зоя не могла рассердиться из-за нашего воспроизведения, — сказала она.

Илья уточнил, что 01:17 было временем доставки, а включили звук позже. Татьяна разделила приблизительные часы пробуждения и точное время сообщений. Зоя собиралась позвонить сестре, пожалела будить и написала. К 01:16 она уже злилась. Когда именно началось и почему, переписка не показывала.

Для сравнения взяли ночь с восемнадцатого на девятнадцатое. Татьяне и Илье старый файл не присылали. Зоя спала нормально, ночных сообщений у неё не было. Ася прислала время последней парной отметки, она была дневной. Лукина по телефону подтвердила, что в ту ночь не писала в поддержку.

Татьяна записала сравнение. Одной спокойной ночи не хватало, чтобы отсечь другие причины.

Ася перезвонила вместе с Саввой. Татьяна предупредила, что рядом Илья и Зоя, и спросила разрешения прислать звук. Оба согласились. Она отправила только старый фрагмент. Савва сразу узнал свой голос, потом попросил подождать.

— Про гостей говорили, — сказала Ася. — Время назначила, а Савва к родителям собирался. Сам разговор плохо помню.

— Это семнадцатое, — уточнила Татьяна. — А ночь перед фотографией двадцатого? Не нужно вспоминать те же слова. Как закончили разговор в тот раз?

Савва попросил ещё раз показать фотографию. Татьяна услышала, как он назвал светильник, и удержалась от нового вопроса. Зоя тоже молчала.

— Отпустило, — наконец сказал Савва. — Вот это я помню. До этого хотелось продолжать, доказывать, что она не слышала. Потом вдруг стало всё равно, кто когда поедет.

— После чего? — спросила Татьяна.

— Не знаю. Телефон взял, она что-то показывала. Посмотрели снимок. И уже не хотелось возвращаться к разговору.

— Причину помню, — сказала Ася. — Гостей пригласила, не обсудив время. А как договорились — нет. Хотелось, чтобы уже закончили.

— Значит, решение нашли? — уточнила Татьяна.

— В том-то и дело, что не помню, — ответил Савва. — Просто встал за водой. Дышится легко, продолжать не хочется. Подумал, наконец-то перестал цепляться к мелочам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.